

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Вначале мы оба вспомнили о нашем диалоге, опубликованном в «Советской Киргизии» накануне предыдущего театрального сезона («Кто придет в театр?», 26 октября 1986 г.). Тогда новый главный режиссер Русского драматического театра имени М. К. Крупской делился своими планами, говорил о больших проблемах, стоящих перед коллективом. И вот первый вопрос художественному руководителю Русской драмы Владиславу ПАЗИ:

— Осушестволено ли задуманное? Как вообще оцениваете вы минувший сезон?

— Скажу так: кое-что нам удалось сделать. Самое главное — удалось повернуть репертурную политику театра в сторону настоящей, серьезной драматургии. Из тех пьес, которые мы в прошлом сезоне поставили, — за каждую мы отвечаем. Это и «Сморгини», что пришел! В. Арро, «Вся надежда» М. Рождина и «Последний рейс» — много-много страдальная пьеса М. Байджинова, которую наш театр вернул к жизни, и, конечно, «Диктатура совести» М. Шатрова.

«Диктатура совести», безусловно, — главный спектакль сезона. Он принципиально важен для нас во всех отношениях. Важна идеологическая, потому что говорит о самых серьезных, самых злободневных вопросах, которые волнуют сегодня все наше общество. Важна и эстетическая, потому что этим спектаклем мы открывали Малую сцену, искались новые формы, а также потому, что в нем очень значительные, с моей точки зрения, актерские работы. Наконец, мы почувствовали повышенный интерес зрителей, прессы к этому спектаклю.

Нельзя не упомянуть также «День рождения Кота Леопольда», работой над которой театр осуществлял свое стремление играть перед детьми не пустышки, а что-то эстетически достаточно значимое. Кроме того, это был и поиск жанрового разнообразия для наших актеров, здесь у многих из них очень интересные работы, да и сам способ актерского существования на сцене довольно занятен.

Поставлен еще один спектакль, премьеру которого фрунзенцам еще предстоит увидеть — «На четвертые сутки после исчезновения». Пьеса, написанная С. Злотниковым, — он из тех драматургов, чье творчество принято называть «драматургией новой волны», — весьма необычные, своеобразные. В ней есть и элементы детектива, но в общем это глубокий разговор о наших нравственных проблемах, об отношениях в семье, о службе, о том, что за обыденным мы подчас теряем суть близких нам людей, за которыми быта перестает видеть личность.

Вот, собственно, каким был минувший сезон. Не все, что планировалось, о чем мечталось, осуществлено. Но тем не менее мы все же ощутили начало своего сближения со зрителем, какое-то движение навстречу друг другу. Вот и в обсуждении спектаклей зри-

тели порой очень активно участвуют, и на анкеты наши отвечают. Понятно, конечно, что это только начало, но оно обнадеживает. Так что группа полна желания работать.

— Это желание, по-моему, пробуждает во всех людях творчество само наше время...

— Интересное время! Время, когда все в нашей стране так интенсивно меняется, причем меняется явно в лучшую сторону. Вот всего год назад мы с вами говорили, и некоторые наши планы казались, признайтесь, химерическими: как же, мол, мы посмеяли! А можно ли это позволить? А сегодня оказывается, что на кое-что и замахиваться не следовало: устало, осталось во вчерашнем дне, и не нужно особой смелости, чтобы поставить теперь ту или иную пьесу, но и сама она уже не нужна. Что же касается «позволят» — на позволять, то сегодня такой вопрос по существу снят. Это, конечно, стоит увеличить нашу ответственность, но как стимулирует творчество!

— Ваш театр не попал в число тех 80-ти, в которых проходит сейчас, порой весьма болезненно, всесоюзный театральный эксперимент. Но это не означает, конечно, что наша Русская драма осталась в стороне от перестройки театрального дела?

— Что касается эксперимента, то ему ведь осталось идти немногим более года, а затем его результаты будут внедрены повсеместно. Мы исподволь к этому готовились, какие-то элементы эксперимента включаем в свою практику, и Министерство культуры республики идет нам тут навстречу. В отличие от прошлых лет, азаматопоминание существует хорошее. Как, впрочем, и внутри коллектива: у нас нет тех катилизмов, которым подвержены сейчас многие другие театры, работаем в общем дружно. Не знаю, правда, надолго ли установится такой климат; все зависит, думаю, от интенсивности нашей работы, от ее результатов, от творческой честности каждого из нас.

Самое главное в перестройке для театра — это перестройка человека, перестройка его психологии, его мировоззрения, мировосприятия, его исторического зренья. Вот это самое интересное, и это, собственно, является — для меня во всяком случае — самым важным сегодня в выборе репертура и трактовке той или иной пьесы. Перестройка или, наоборот, неперестройка, инерция человека — вот о чем хочется ставить спектакли. Что повторять про-

писные истины: человек ведь предмет искусства, а не технологическая стелеваренная!

Хочу еще заметить, что если раньше в выборе репертура существовала опасная конъюнктура, которую называем, скажем, «детской», то теперь раздаются голоса о конъюнктуре «левой». И вот боясь этой якобы конъюнктуры, порой вообще ничего не делаем. Я думаю, что тут есть нечто демагогическое. Нечего бояться. Если это искренне, так это уже не конъюнктура. А если неискренне — что ж, мы будем за это наказаны. Поэтому если мы ведем речь, например, о «Плехе» Чингиза Айтматова, работа над инсценировкой которой сейчас идет и которая будет в новом сезоне обязательно поставлена, или о потрясающей последней пьесе покойного Игнатия Дворского «Колыма». Представление в народном театре, которую мы, надеюсь, тоже поставим, — то надо пропустить их через сердце. И тогда это будет не просто отклик на «модную» тему, а как раз то, что необходимо и нам, и нашим зрителям.

— Таким образом, Владислав Борисович, мы подведем к плану на предстоящий сезон...

— Собственно, сезон уже открыт на Малой сцене 5 октября спектаклем «Костюмеры» по пьесе английского драматурга Рональда Харууда. А «Большое» открытие на основной сцене состоялось спектаклем по пьесе «Друзья» Кобо Абэ.

— Представьте, пожалуйста, нашим читателям эти и другие новинки сезона.

— Охотно. Благородная пьеса — так бы я охарактеризовал «Костюмеры». Она — о служении театру, искусству, а если брать шире — вообще о служении любому серьезному делу. В каком-то смысле эта пьеса обо всех нас, людях театра, — о нашем несчастье и нашем счастье, о наших глупостях и наших высших минутах... Спектакль поставил яркий режиссер из Москвы Феликс Берман (назову для театралов хотя бы два его известные работы: «Аттракцион» по киносценарию А. Володина в Московском театре имени Ленинского комсомола, когда им руководил еще А. Зорос, и совсем недавний спектакль в Московском театре имени Станиславского «Счастливые нищие» К. Голубица). Нашим артистам было очень полезно с ним встретиться, тем более что «Костюмеры» делался в форме необычной, но совершенно другим эстетическим принципам, нежели «Диктатура совести», с совершенно другим способом актерского существования. В главных ролях наши мастера — народные артисты республики Э. Праг и Л. Яношевский, много и других интересных актерских работ.

«Друзья» поставил наш покойный слуга. Автор пьесы — широко известный у нас в

стране японский прозаик и драматург — определил ее жанр как «черная комедия». Пьеса носит характер притчи и говорит о вопросах, как мне кажется, чрезвычайно актуальных — о псевдодемократии, о том, как социальная демагогия, игра в демократию подделывает личность, уничтожает ее. Мы старались придать спектаклю окраску трагического гротеска, что из этого получилось — судить зрителям.

Буквально на днях в «Советской Киргизии» было опубликовано сообщение о присвоении звания заслуженного артиста Киргизской ССР нашим ведущим актерам среднего поколения С. Матаеву и Г. Степановой, и мне приятно сообщить, что их обоих зрители увидят в главных ролях новых спектаклей театра: Матаева — в «Друзьях», Степанову — в «На четвертые сутки после исчезновения».

В ближайшем время мы покажем еще одну премьеру — «Три новеллы о любви», которые написал актер нашего театра А. Балбечин. Это будет переработка советских прочтений его пьесы, и для нас очень важно создать хороший спектакль. Хотя название будто бы говорит само за себя, но новеллы носят не просто лирический характер; зрителям, как я надеюсь, будет над чем поразмыслить.

В дальнейшем самой главной нашей работой будет инсценировка романа Чингиза Айтматова «Плах». Мы должны выполнить такие обещания, данное еще в прошлом году, — поставить оперу для молодежи. Были большие сложности с аппаратурой, но теперь они разрешены, и в будущем году — не скажу в сезоне — мы эту оперу обязательно поставим. Кроме того, в портфеле театра сейчас очень много по-настоящему интересных пьес современных советских авторов, так что выбирать есть из чего.

— А русская классика? Говорят ли русскому театру за бытие о ней?

— Вопрос совершенно прехорошен. Что я могу сказать? Русская классика требует спокойствия и неспешности, требует уважительного отношения к себе. У нас просто не доходило до нее руки. Я считаю, что эти два сезона — прошедший и наступающий — должны прежде всего повернуть репертур в сторону сегодняшнего дня, иначе мы растеряем бы последние зрители. А вот где-то через сезон мы обязательно займемся русской классикой, и на этот счет у нас есть определенные наметки.

— Театр и зритель. Эту проблему не разрешить ли в сезоне, не за два.

— Совершенно верно. Зритель нужно воспитывать, и тут главная для нас — держать марку, не поддаваться соблазнам потратить немалозначительным акусам. Перестройка же репертура в сторону злободневности — первоочередная задача, и тут уже есть какие-то обнадеживающие результаты. Нас, например, радует,

что наши поиски привлекли внимание интеллигенции города. Это та часть публики, которая и сама нами очень интересна и имеет влияние на другие слои — в частности, на учащихся, студенчество. Молодежь нас волнует больше всего, ведь подчас мы встречаемся в нашем зале с самым обескураживающим непониманием самой природы театра.

Мы хотим также, чтобы наше театральное здание было отдано только искусству театра и ничему более. Сложившаяся традиция проводить в театре вечера отдыха и прочие мероприятия — она ведь тоже заставляла нас терять зритель, опыта-таки молодежи, которая начинает воспринимать спектакль как некое приложение к дискотеке.

— Есть ли изменения в труппе?

— Мы проводили на заслуженный отдых некоторых ветеранов. В труппу приняты заслуженный артист РСФСР Л. Ницанов — актер с серьезным творческим багажом, работавший в Мурманске, а также два выпускника Ленинградского и Ташкентского театральных институтов. Но я бы хотел, чтобы фрунзенские зрители поинтересовались приглашением к хорошо знакомым им, привлекательным актерам. Думаю, они увидят в их работах много нового, интересного и даже неожиданного.

— Чего стоит одна только работа заслуженного артиста республики В. Москалева в «Костюмерах». Но вернемся и наступающему сезону — ведь он завершится для Русской драмы весьма серьезным экзаменом.

— Да, летом нам предстоит гастролировать в Москве. Нельзя сказать, что мы готовим к этому специально для этих гастролей — мы должны будем показать то, что у нас есть. Но ответственность высокая, и мы чувствуем ее при работе над каждым спектаклем.

— Что ж, успехов вам и на родной фрунзенской сцене, и на московской.

— Спасибо.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

В этой беседе мы не стали касаться части тех вопросов, о которых шла речь еще год назад. О состоянии здания театра, о театральном разладе, о совершенно неудовлетворительной постановке рекламного дела во Фрунзе, о необходимости открыть в разных точках города театральные концертные ниссы... На публикацию «Кто придет в театр?», а также на заметки «Шлаг навстречу» (6 февраля 1987 г.) редакция получила официальные ответы заведующего отделом культуры Фрунзенского горисполкома И. Токова, главного художника города А. Абдудобекова, а затем и министра культуры Киргизской ССР М. Баялинова. В этих ответах немало обещаний. Но время идет, а конкретный дел не видать. Так что нам еще придется вернуться к этим вопросам.

Г. ГОЛЫГИН.